

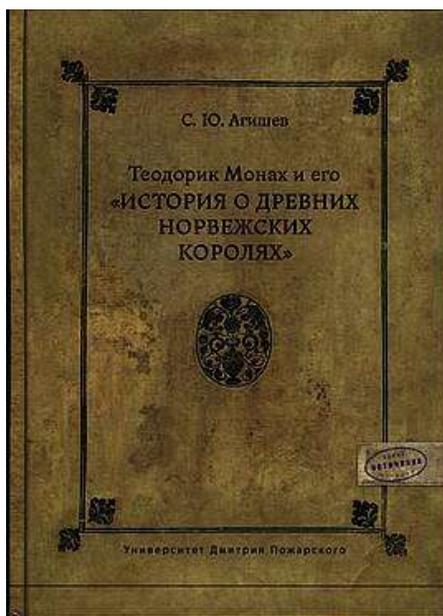
РЕЦЕНЗИИ

Борисов Г.И.¹

Латинская культура на Крайнем Севере:

Агишев С.Ю. Теодорик монах и его «История о древних норвежских королях».

М., Изд. Университет Дмитрия Пожарского, 2013.



Ключевые слова: Теодорик Монах, «История о древних норвежских королях», средневековое историописание, гражданские войны в Норвегии, цитирование латинских классиков, переводы средневековых источников.

Key words: Theodoricus Monachus, “History of the Ancient Norwegian Kings”, medieval historical writing, “Civil wars” in Norway, quotations of the ancient classical authors, translations of medieval texts.

Переводы скандинавских литературных памятников имеют в нашей стране богатую традицию и всегда вызывали повышенный интерес не только у медиевистов, но и у более широкого круга читателей. Книга преподавателя МГУ имени М.В. Ломоносова и скандинависта С.Ю. Агишева вошла в этот ряд, однако заняла в нем исключительное место: объектом исследования стало сочинение по истории Норвегии, но не на древнескандинавских наречиях, а на латинском языке - «История о древних

¹ *Борисов Григорий Игоревич* - аспирант кафедры истории Средних веков исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: grigorijborisov@yandex.ru).

норвежских королях» (далее «История»). Критическое издание, перевод и подробный комментарий столь большого памятника латинской словесности, стоящего в одном ряду с трудами Адама Бременского и Саксона Грамматика, бесспорно, является значимым событием для отечественной медиевистики. Неразрывная связь «Истории», написанной монахом Теодориком в конце XII в., с классической культурой Греции и Рима с одной стороны, и ее создание на периферии средневековой Европы с другой, образуют феномен, проблематика которого уже давно была близка русскоязычному читателю.

Структура книги состоит из четырех глав исследовательского очерка и критического издания «Истории» с параллельным переводом и комментарием; издание включает в себя также большое число иллюстраций, таблиц и указателей. Книга открывается главой об эпохе создания текста, о т.н. периоде «гражданских войн» (1130–1240 гг.), когда в Норвегии в борьбе наследников Харальда Прекрасноволосого, локальных магнатов и самозванцев утвердилось королевская власть и централизованное управление. Период написания «Истории» (1177–1202 гг.) в Норвегии характеризуется территориальным размежеванием страны и эскалацией военного конфликта, а также оформлением влиятельных партий берестяников и посошников. В политической жизни страны, особенно после церковной коронации короля Магнуса V в 1164 г., важную позицию занимала церковь. Эпоха Теодорика Монаха стала временем интенсивного развития письменной культуры, отразившейся в записи правовых памятников, создании агиографических и исторических сочинений. Основание новых монастырей в Норвегии и установление контактов с европейскими культурными центрами в Исландии, Германии и Франции было в свою очередь тесно связано с распространением изучения латинского языка и книжности, возникновением библиотек и школ при кафедральных соборах.

Рукописной традиции сочинения Теодорика посвящена вторая глава книги. Автор подробно излагает историю отыскания и введения в научный оборот сочинения норвежского историографа. Исследование текста и рукописной традиции «Истории» осложнено уже тем, что до нашего времени не дошли ни одна средневековая рукопись данного сочинения. Обе копии, сделанные в XVII в. (вероятно с одного оригинала) также не сохранились. С момента опубликования последнего критического издания Г. Сторма в 1880 г. были обнаружены еще два списка «Истории» (L и M в стемме); попытка учесть их была предпринята М. Герцем, издавшим тесно связанное со списками «Истории» произведение «История похода датчан в Иерусалим», впрочем, как подробно показывает С.Ю. Агишев, не увенчавшаяся успехом. В свою очередь автор рецензируемой книги, на основании изучения всех известных ранних рукописей текста, предложил новую стемму рукописей, учитывающую неизвестные Г. Сторму манускрипты и

ошибки издания М. Герца и убедительно аргументировал свою позицию². Итогом работы стало самое полное в отечественной и зарубежной историографии критическое издание текста «Истории».

Проблемы места и времени создания сочинения составляют основу третьей главы исследовательского очерка. Установлено, что с наибольшей вероятностью сочинение было написано в 1177-1180 или в 1183-1184 гг., причем первая датировка вызывает больше доверия у исследователей. Меньше известно о месте создания «Истории» – была ли она написана в одном из норвежских церковных центров или же в датском монастыре Эбельхолт, известном своими связями с монастырем Сен-Виктор во Франции, где обучался Теодорик, неясно. В исследовании автор подробно проанализировал состав средневековых библиотек в Норвегии; в то же время изучение важного в данном контексте вопроса о средневековых датских книжных собраниях остается еще очень желательным. Круг аргументов для атрибуции памятника значительно расширило проделанное С.Ю. Агишевым просопографическое и антропонимическое исследование, в котором были охвачены все известные лица, с той или иной степенью вероятности, претендующие на авторство «Истории».

Атрибуция текста неразрывно связана с вопросом о круге чтения Теодорика и доступности для него письменных источников. С.Ю. Агишев предпринял попытку собрать и в наглядной форме представить отсылки Теодорика Монаха (цитаты и аллюзии) к библейским текстам, агиографической литературе, трудам латинских писателей классического периода и средневековья, а также записанным сочинениям на народных наречиях: перечням королей, произведениям скальдов и сагам. Исследование использования норвежским историографом библейских текстов стало первым в научной литературе, посвященной изучению памятника, другие его источники изучались до настоящего времени очень неравномерно. Автором были выявлены созданные норвежским монахом параллели между образами Юлиана Отступника и ярла Хакона, сравнения Олава Святого с библейскими и историческими персонажами, исследователю удалось сделать много остроумных наблюдений об особенностях цитирования Теодориком Священного писания, в т.ч. сопоставления библейских и современных писателю народов и географических объектов. Результаты исследования круга чтения норвежского историографа представлены в таблице, значительно облегчающей дальнейшую работу с цитатами и аллюзиями.

В последней главе исследовательского очерка автор поставил своей задачей изучить вопрос о причинах и цели написания «Истории» Теодориком. Главными источниками исследования стали пролог к сочинению и отбор историографом фактов и тем в нем, характеристики ключевых исторических лиц, хронология и сопоставление явлений в основном тексте «Истории». На основании изучения описаний трендов, внимания к законным церковным бракам в генеалогии Магнуса Эрлингссона, политики архиепископа Эйстейна (патрона Теодорика) по отношению к самозванцу Сверриру и актуальных для

² Один из позднейших списков из Королевской библиотеки в Копенгагене с использованных автором рукописей, по независящим от автора причинам, не был учтен.

норвежского историографа проблем консенсуса между знатными людьми при принятии политических решений, С.Ю. Агишев высказал гипотезу, что написание «Истории» было вызвано личным стремлением норвежского клирика обратить внимание на проблему внутреннего единства страны и необходимости прочного мира. В ходе решения этой уже ставшей классической для медиевистики и непростой задачи, автору также удалось показать, на примерах особенностей передачи Теодориком имен собственных и географических названий, как средневековый историограф использовал топонимику и антропонимику для создания новых, политически важных, смыслов в повествовании.

Почти половину книги занимает издание латинского текста и параллельный перевод «Истории», снабженный обширными культурно-историческими комментариями. И здесь необходимо отметить, что публикация перевода средневекового произведения на русский язык, который без тени сомнения можно назвать хорошим, в последнее время, встречается реже, чем хотелось бы. Рецензируемая книга относится именно к числу счастливых примеров. Следует отметить хороший стиль, литературный язык переводчика, научно корректную и приведенную в строгую и ясную систему передачу имен собственных. Переводчик точен в передаче терминов и исторических реалий на русский язык, в сложных местах им были найдены удачные переводческие решения. Отнюдь не умаляют достоинств перевода несколько найденных рецензентом замечаний. Не слишком удачным кажется перевод латинской фразы *jugum Christi* («власть, иго Христа») с помощью выражения «бремя Христа». Последнее вызывает у читателя, скорее, совсем другие библейские коннотации. Устойчивое выражение *vir Dei* традиционно принято переводить на русский язык не «муж угодный Богу», а «муж Господень». Спорным и не очень корректным решением видится перевод несколько раз встречающейся фразы *de corporum humanorum diminutione* как «об уменьшении тел людей», вместо более подходящей литературной формы «измельчание».

Немаловажным достоинством рецензируемой книги является то, что издание хорошо подготовлено для использования при работе в семинаре. Удобство параллельного критического издания латинского текста и перевода делают доступным текст не слишком искушенному в латыни читателю. Для исследователя неопределимую пользу оказывают подстрочный аппарат разночтений рукописей и обширные примечания источниковедческого и культурологического характера. Необходимо отметить, что публикация будет труднодоступна зарубежным исследователям, не владеющим русским языком: в книге, несмотря на большой объем, отсутствует подробное резюме на каком-либо из иностранных языков. В то же время это едва ли уменьшает достоинства книги: подготовка такого издания очень трудоемка и эта очень большая и кропотливая работа должна быть поставлена в несомненную заслугу ее автору.

Рецензенту не удалось найти более ранних отзывов на книгу в научных публикациях; следует отметить, что исследовательская часть не свободна от замечаний. В целом они носят частный характер и

связаны с активно изучаемыми сейчас темами пространства устной культуры и цитированием классических авторов в Средневековье. Так сложно признать подходящей выбранную автором книги терминологию для исследования цитат и аллюзий. Такие выражения для классификации отсылок к источникам Теодорика как «заимствование через другой текст» или «не использовался» позволяют лишь приблизительно изучать приемы цитирования по памяти, преобладавшие в средневековой устной культуре. В частности отнюдь небесспорным выглядит тезис автора о цитировании Псалтыри по книге (С. 192–193): заучивание наизусть не только псалмов, но и больших библейских текстов было одной из повседневных средневековых монашеских практик. По моему мнению, некоторые из этих неточностей происходят оттого, что автор почти не уделил внимания критике уже значительно устаревшей скандинавской историографии (в частности трудов Г. Сторма и А. О. Юнсена), что привело его к использованию недостаточно точной, а в отдельных случаях просто некорректной исследовательской терминологии, использованной для систематизации источников информации норвежского монаха. Так сложно себе представить, что Теодорик, обучавшийся в аббатстве Сен-Виктор и позднее имевший в Норвегии доступ ко многим античным текстам, «непосредственно не использовал» труды Вергилия. Сочинения великого римского поэта входили в программу школьного образования в раннем и высоком средневековье; некоторые из них Теодорик вполне мог знать наизусть³. Более того, в тексте «Истории» С.Ю. Агишев сам отмечает явную отсылку к «Энеиде» - назвать ее цитатой сложно лишь потому, что речь идет о заимствовании одного из вариантов генеалогии античного героя Палланта. Теодорик называет отцом Палланта Эвандра (так же как у Вергилия), а не Геракла, как передают другие античные авторы (С. 377, 528). По моему мнению, указание на заимствование по памяти из знаменитой эпической поэмы Вергилия в этом месте более чем вероятно, в то время как формулировка «непосредственно не использовал» не отражает особенностей устной культуры, в которой жил и творил автор «Истории». Точно также дело обстоит с произведениями блаженных Августина и Иеронима: сочинения только двух этих Отцов церкви зачастую составляли треть всего фонда средневековых библиотек (как например в Лорше) и входили в круг обязательного чтения, поэтому даже аллюзии на них едва ли могут служить основанием для формулировки «цитирование через другой текст», использованной в работе. Нуждается в более подробном комментарии и тот факт, что стих поэтессы начала VI в. Пробы, приписываемый в Средние века Вергилию и лишь критикой Нового времени исключенный из числа сочинений великого римского поэта, оставался для Теодорика и его современников именно «вергилиевским» текстом.

³ Альбрехт М. фон История римской литературы от Андроника до Бозция и ее влияние на позднейшие эпохи. Пер. А.И. Любжина. Т. 2. 2004. С. 765–767. См. также о проблеме в целом: Glauche G. Schullektüre im Mittelalter: Entstehung und Wandlungen des Lektürekansons bis 1200 nach den Quellen dargestellt. München, 1970.

Примечательно также особо отмеченное автором книги цитирование Теодориком в 15 главе «Истории» первого эпода Горация (*Ibis liburnis inter alta navium, amice, prorupnacula*), в котором повествуется об одном из эпизодов гражданских войн в Риме. По мнению норвежской историографии, которой следует автор, текст Флакка был заимствован Теодориком не напрямую, а опосредовано; единственным аргументом, впрочем, служит отсутствие упоминаний рукописей эподов в средневековых норвежских библиотеках⁴. Комментарий автора книги к этой цитате противоречив: с одной стороны он связывает его с осмыслением Теодориком событий гражданских войн в Риме, с другой, отмечает, что норвежский историограф приводит его явно некстати (С. 146 и 180, прим. 196, С. 508). В то же время либурны не были, как указано в примечании, небольшими быстрыми двухвесельными кораблями: в эпоху поздней республики так называли длинные боевые корабли с двумя рядами весел (ок. 30 м в длину и 20 – 40 пар весел, расположенных в два ряда по каждому из бортов). От тяжелых боевых кораблей они отличались не столько длиной, сколько низким корпусом за счет наличия только двух палуб и отсутствия башен для лучников⁵. Для Теодорика было бы вполне естественным подобное сопоставление либурны и драккара (до 20 м в длину и до 35 пар весел) только на основании внешнего вида – низкого корпуса и приблизительного числа весел. Более того, читая текст Горация в школе и объясняя его, норвежский автор, вероятно, мог значительно легче представить себе либурну, чем его современники с континента: в отличие от уже распространенных на Северном море в XII в. высоких, парусных судов, в Норвегии этого времени еще использовался длинный и узкий драккар. Норвежский монах не зная точные размеры древнеримского судна, тем не менее, хорошо представлял себе как оно выглядит и какими качествами обладает. По моему мнению, эта цитата не выглядит ни нелепой ошибкой, ни заимствованием через другой текст. Приведя точную фразу из Горация и тем самым сопоставив Хакона (отрицательного персонажа) с Октавианом, а Марка Антония, наоборот, с Олавом Святым, Теодорик вероятнее всего просто не задумался о смысле цитаты и ее контексте в сочинении древнеримского поэта. Он выхватил необходимую строчку из памяти, как описание одного из эпизодов гражданских войн в Риме. Именно они, по справедливому утверждению исследователя, определяли лейтмотив повествования норвежского историографа, посвященного эпохе междоусобиц в Норвегии второй половины XII в.

Подтверждением тому, что средневековые авторы не всегда вдумывались в глубокий смысл приводимых ими цитат, может служить другой пример из «Истории». В рассказе о христианизации Карлом Великим Саксонии, Теодорик приписывает знаменитому королю франков такую жестокую меру по устрашению местного населения, как казнь детей и взрослых, которые были ростом больше чем меч франкского короля. Творчески перерабатывая эту легенду (норвежский монах, вероятно, заимствовал ее

⁴ Johnsen A.O. Om Theodoricus og hans Historia de antiquitate regum norvagiensium. Oslo, 1939. S. 36.

⁵ См. например статью Liburna в: Paulys Realenzyklopädie der classischen Altertumswissenschaft. Bd. 25. 1926. Sp. 143-145.

из широко распространенных на континенте раннесредневековых сочинениях – «Деяний Карла Великого» Ноткера Заики или «Книги истории франков»⁶), автор «Истории», как и его предшественники, не обратил внимания, что данная легенда очень напоминает библейский рассказ о царе Ироде и убийстве младенцев⁷. Таким образом, средневековый автор мог приводить цитату просто для украшения своего повествования, отнюдь не вкладывая в нее символическое или смысловое значение, которое часто мы пытаемся в ней отыскать. Более того, такое неосмысленное заимствование в культуре, основанной на заучивании текстов на память, выглядит совершенно естественным. В этом контексте точная цитата Горация, может быть выученная еще в школе и к тому же сопровождаемая в тексте «Истории» его именем, едва ли могла быть цитированием через некий другой текст⁸. Примечательно и то, что даже если Теодорик и не имел доступа к кодексу эподов, он наизусть знал и цитировал произведения Флакка о гражданских войнах, опираясь на него как на литературный авторитет.

Подводя итог, нельзя не приветствовать появление в отечественной медиевистике критического издания и качественного перевода важного памятника исторической мысли средневековой Скандинавии. Оригинальное исследование, подробный культурологический комментарий и большое число вспомогательной информации в виде таблиц, рисунков, иллюстраций прекрасно дополняют книгу, уже своим качеством заслужившую несколько придинок. Но самым ценным ее достоинством мне видится точный, ясный и выдержанный в необходимых научных и литературных рамках язык автора-переводчика, позволяющий книге не только быть востребованной в университетском образовании, но и найти своего любознательного читателя за пределами узкого круга специалистов, в первую очередь среди людей, интересующихся историей Скандинавии и средневековой культурой в целом.

⁶ Notkeri Balbuli Gesta Karoli Magni imperatoris. Lib. 2. cap. 12 / Hrsg. von H. Haefele (MGH SS rer. Germ. N.S., 12). Berlin, 1959. S. 70 и прим. 7 с дальнейшими ссылками.

⁷ Сходство было известно уже в Средние века. См.: Scales L. Bread, cheese and genocide: imagining the destruction of peoples in medieval western Europe. *History*. 92. 2007. P. 287.

⁸ Средневековье, даже раннее, не может пожаловаться на скудость рукописной традиции Эподов. См.: Альбрехт М. фон Указ. соч. Т. 2. С. 802–803.